

Цюй И прикусил губу. В глубине души он хотел, чтобы Лян Каншэн на следующий день после свадьбы сопровождал его домой, так как это многое значило. Но, учитывая состояние здоровья Лян Каншэна, он всё же сомневался.

— Хорошо, хватит раздумывать. Я решил.

Лян Каншэн взял лицо Цюй И в свои руки, помогая ему принять решение.

Молодожёны ещё немного поговорили о других делах, затем умылись, задули свечи и легли спать.

В темноте комнаты, при слабом свете луны, мелкие волоски на лице Цюй И были чётко видны. Сердце Лян Каншэна смягчилось, и мрачные мысли, вызванные его догадкой, немного рассеялись. Он закрыл глаза и заснул рядом с Цюй И.

На следующее утро Цюй И и Лян Каншэн проснулись рано.

Возможно, из-за того, что он вернулся в тело, ещё не полностью разрушенное болезнью, Лян Каншэн чувствовал себя лучше, чем вчера.

Глубоко задумавшись, он посмотрел на лекарство, которое принёс Лян Догу, и, пока Цюй И не видел, вылил его на траву под окном.

Госпожа Чжуан уже подготовила всё необходимое для возвращения домой, и после завтрака они могли отправиться в путь на повозке.

Перед тем как Цюй И и Лян Каншэн выехали из дома Лян, из Большого дома семьи Мэн вышла большая группа молодых людей с мотыгами и коромыслами. Они шли вместе с Цюй Сыню и госпожой Мэн, у которой были красные и опухшие глаза, в деревню Цюйцзя.

Хотя группа из дома Мэн вышла раньше, Цюй И и Лян Каншэн ехали на повозке, которая была быстрее пешего хода. Поэтому они прибыли в дом Цюй раньше, чем Цюй Сыню и его спутники.

Цюй Эрню, который обещал брату следить за ситуацией в доме Цюй, сидел во дворе, жуя травинку. Он первым заметил приближающуюся повозку и тут же вскочил на ноги.

В округе было всего несколько семей, у которых были повозки, и в это время к дому Цюй могла ехать только семья Лян. Цюй Эрню подумал и, сделав вид, что ничего не заметил, снова сел. Он намеренно закрыл глаза, притворяясь спящим. Он не хотел вмешиваться, пока ситуация не прояснится, чтобы не создавать проблем своему младшему брату.

Но бездействие Цюй Эрню не означало, что другие тоже ничего не сделают.

Зная, что Цюй И и Лян Каншэн сегодня вернутся домой, Цюй Чжицай тоже следил за появлением повозки. Вскоре после Цюй Эрню он заметил их и сразу пошёл к старухе Цюй.

Цюй Чжицай не мог унижаться и заискивать перед другими, но послать свою мать сделать это для него было вполне приемлемо.

Только Цюй Эрню почувствовал порыв ветра рядом с собой, как открыл глаза и увидел, что его мать бросилась к повозке.

Лошадь, которая шла спокойно, испугалась внезапно появившейся старухи Цюй и слегка подняла копыто.

Кучером был старший брат Лян Догу — Лян Додао. Он нахмурился, увидев приближающуюся женщину, но быстро расслабился и громко сказал:

— Матушка, отойдите подальше, а то испугаете лошадь!

Старуха Цюй тоже испугалась, когда лошадь подняла копыто. Она, как и другие крестьяне, редко имела дело с лошадьми и думала, что они такие же спокойные, как мулы или ослы.

Поспешно отступив, она позволила Лян Додао успокоить лошадь и продолжить путь. Этот инцидент привлёк внимание соседей, которые вышли из своих домов или забрались на заборы, чтобы посмотреть, что происходит.

Когда повозка наконец остановилась у ворот дома Цюй, Лян Додао поставил подножку и откинул занавеску, чтобы пассажиры могли выйти.

Старуха Цюй, увидев Цюй И в роскошной одежде, сидящего в красивой и чистой повозке, с грациозными движениями, едва узнала своего внука. Она невольно отступила на шаг.

Видя человека, стоящего выше её по статусу, старуха Цюй почувствовала тревогу, но, вспомнив, что это её внук, выпрямилась, намереваясь показать ему, что даже после свадьбы он должен слушаться её.

Затем, подумав о том, что её любимый внук Яовэнь даже не имел возможности ездить на повозке, а сын четвёртого сына мог, её охватило недовольство. Она смотрела на повозку, как на свою собственность, считая, что всё в доме принадлежит её пятому сыну, а четвёртый сын и его семья не заслуживают такой роскоши.

Цюй И, видя меняющиеся выражения лица старухи Цюй, мог примерно догадаться, о чём она думает.

Ему оставалось только посмеяться. Почему она была так уверена, что он будет её слушаться? Даже в прошлой жизни он не всегда подчинялся ей.

Если разобраться, в семье Цюй только семья старшего дяди была покорной и трудолюбивой. Второй дядя, тётя и его отец не были такими, а пятый дядя и вовсе командовал старухой Цюй.

Однако, учитывая, что она была его кровной родственницей, Цюй И, выходя из повозки, позвал её:

— Бабушка.

Старуха Цюй, сияя глазами, но сохраняя важный вид, ответила:

— Ну, вы вернулись. Твой пятый дядя и Яовэнь собираются в уезд, так что повозку они заберут.

Цюй И мягко улыбнулся, но в его глазах не было тепла:

— Нет, муж слаб здоровьем, повозка нам нужна.

Услышав, что Цюй И осмелился отказать, старуха Цюй застыла с выражением лица, которое выглядело довольно забавно.

— Игэр, вы вернулись.

Цюй Эрню, видя, что атмосфера накаляется, вышел поздороваться. Он посмотрел на Лян Каншэна, не зная, как к нему обращаться: «Господин Лян» или «зять».

Лян Каншэн не впервые был в доме Цюй и знал всех членов семьи. Он заметил замешательство Цюй Эрню и, как младший, не мог не ответить.

Сделав почтительный поклон, Лян Каншэн с лёгкой шуткой, но серьёзно сказал:

— Младший приветствует второго дядю. Теперь, когда я женился на Игэре, прошу вас не делать различий между нами.

Увидев такое отношение Лян Каншэна, Цюй Эрню успокоился. Он боялся, что этот господин Лян окажется высокомерным богачом.

Немного подумав, Цюй Эрню широко улыбнулся Лян Каншэну:

— Верно, Игэр третий в семье, так что ты наш третий зять. Игэр хороший мальчик, и ваша семья Лян не должна пользоваться своим богатством, чтобы обижать нашего парня.

Лицо старухи Цюй помрачнело. Этот негодяй второй сын, стоя перед матерью, осмелился разговаривать с господином Лян, полностью игнорируя её.

Вспомнив о статусе Лян Каншэна, старуха Цюй сдержала гнев и строго посмотрела на них:

— Некоторые думают, что после свадьбы они стали важными и могут не считаться с роднёй. Если не уважаешь семью, то сегодня не войдёшь в наш дом!

По традиции провинции Даоцзян, вышедшая замуж женщина или парень должны вернуться в родительский дом на обед в первый день после свадьбы. Не сделать этого — значит опозорить и семью мужа, и свою семью. Пусть посмотрит, действительно ли Цюй И думает, что после свадьбы он может спорить с ней!

Зная, через что прошёл Цюй И в семье Цюй, Лян Каншэн мог сохранять доброжелательность ко второму дяде, но к старухе Цюй он относился иначе. Он посмотрел на Цюй И, давая понять, что всё зависит от его решения.

Старуха Цюй, не понимая значения взгляда Лян Каншэна, решила, что её слова напугали их, и стала ещё более самоуверенной.

Цюй Эрню посмотрел в сторону Большого дома семьи Мэн, думая, почему его младший брат ещё не вернулся, и с тяжёлым сердцем вмешался:

— Мама, что ты говоришь? Чжицай и Яовэнь всегда ездили в уезд на телеге. Почему сегодня им нужна повозка?

Старуха Цюй ударила Цюй Эрню:

— Молчи! Твой пятый брат — учёный, ему не к лицу ездить на телеге. Если они женились на нашем парне, почему бы не одолжить повозку?

— Бабушка, а эта повозка, если её одолжить, вернётся ли? — Цюй И, видя, что старуха Цюй собирается устроить сцену, с сарказмом посмотрел на неё.

Мысли старухи Цюй были раскрыты, и она на мгновение разозлилась, сразу же крикнув:

— Что значит «вернётся»? Говоришь так, будто они украдут её! Твой пятый дядя — учёный, у него всё будет, зачем ему ваша повозка!

<http://bllate.org/book/16698/1533357>